

Отзыв

официального оппонента доктора исторических наук Чувардина Германа Сергеевича на диссертацию Романика Александра Сергеевича на тему: «Российское леворадикальное движение и военный вопрос: взгляд и практическая деятельность во второй половине XIX – начале XX века», принятой к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история Диссертационным советом Д 999.153.02 при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»

На сегодняшний день исследования по военно-исторической тематике крайне разнообразные в жанровом и методологическом плане, составляют существенный, если не превалирующий, сегмент исторической науки. При этом прослеживается устойчивый рост интереса не только к атрибутивной истории, но и к реконструкции ментальных переживаний *военного человека*.

Значительный интерес исследователей направлен на изучение рефлексии *войны и военного дела как мировоззренческого феномена* (в первую очередь, в политическом и институциональном контекстах) со стороны людей, *несвязанных* с военным ведомством и профессией военного. При этом речь идет не столько об обыденном восприятии, сколько о сознании представителей интеллектуальной элиты, в той или иной степени замыкающейся либо на академическое сообщество, либо инкорпорированной в политическую сферу. Мы можем говорить, с одной стороны, о массиве переживаний относящихся к жанру *философии войны*, с другой, - к пониманию войны как *инструмента политической и внутриполитической борьбы*. Как следствие, военная история (при сохранении объективного характера восприятия, опирающегося на достаточную степень историзма) дает нам возможность «пережить войну», как на репрезентативном, так и на когнитивном уровне. Последняя область кажется нам наиболее притягательной, так как война предстает одной из

наиболее изощренных форм культурно детерминированной симуляции реальности.

Предлагаемая для оппонирования диссертация затрагивает тему переживания войны представителями политической оппозиции царской России на отрезке середины XIX – начала XX вв. Выбор указанной хронологической лакуны кажется нам оправданным. Именно в конце правления Николая I обозначается острые потребность в системной модернизации русского общества. Внутри политической элиты возникают острые разногласия, при этом Россия, являясь страной с ярко выраженным милитарократическим содержанием власти, оказывается втянута в реформы, во многом, благодаря давлению со стороны «военных». В ментальном поле вновь проявляется «призрак декабризма», постепенно формируется новая политическая оппозиция, демократическая (революционно-демократическая) по своему составу и по своим когнитивным проекциям. Именно она становится одним из основных драйверов нового витка политического противостояния, развивающегося, как в мирном русле, в лице умеренно-оппозиционных, так и по насильтственному сценарию, в, лице леворадикальных, сил. Несмотря на то, что аргументация хронологических рамок выглядит состоятельной, с нашей точки зрения, можно было бы поднять их верхнюю планку до 1914 г. Трансформация русского общества после первой русской революции была необратимой, но не столь стремительной, что отчасти было обусловлено консервативным курсом, проводимым П.А. Столыпиным. Социал-революционеры и социал-демократы (после поражения революции обе партии находились в фазе политического кризиса) пытались осмыслить уроки революции и откорректировать содержание своих политических доктрин и методов борьбы. Началась настоящая борьба за вооруженные силы: правительство пыталось искоренить «революционную зарузу» из среды подверженной демократической эрозии армии; революционные силы пытались привлечь в свои ряды достаточное количество сочувствующих военных, в первую очередь, из офицерской среды. Осмысление революционного процесса и методов борьбы со стороны революционных

сил стало более зрелым (работы П. Крапоткина, В. Плеханова, В. Ульянова/Ленина, Л. Троцкого и др.). В случае большевиков это продемонстрировала VI Пражская конференция, где в очередной раз прозвучал «военный вопрос» (в контексте событий в Персии и Китае, а также по поводу политического вопроса в Финляндии).

В качестве предметного поля исследования диссидент рассматривает теоретические «воззрения» в области «военного вопроса» представителей демократической и революционно-демократической политической оппозиции (в отдельных случаях используется термин «леворадикалы») и убедительно иллюстрирует их конкретными примерами политической борьбы. Обоснование политических пристрастий данных оппозиционных сил и, как следствие, критерии их типологизации, достаточно убедительно обозначается в самом начале работы (стр. 23-24) и, в целом, соответствуют их актуальному восприятию профессиональным сообществом.

Сформулированные цели и задачи сообразуются с обозначенным исследовательским полем. Они формируют общие границы логического пространства исследования и позволяют грамотно выстроить его маршрут. Можно утверждать, что выявленная исследовательская проблематика, оригинальная по своему содержанию, соответствует актуальному состоянию научного анализа обозначенных в диссертации проблем и путей их решения. Безусловным достоинством работы является стремление ее автора обосновать концептуальное видение тех или иных вопросов через призму, как уже оформленных исследовательских трендов, так и новых теоретических измерений.

В методологическом плане работу нельзя считать безупречной. Определенную уязвимость работе создает отсутствие четко разработанной системы анализа эмпирического материала. Безусловно, диссидент, глубоко освоил и детально разобрался в общей совокупности приемов и методов «традиционного» анализа исторических источников и успешно реализовал свои знания в процессе исследования. Но, с нашей точки зрения, специфический ха-

рактер отдельных групп источников, содержащих философский, теоретический и публицистический контекст (уровень переживания *политического сознания* и *политической культуры*), требует привлечения знаний в области политологического и лингвистического анализа, вплоть до весьма специфических методов «политической журналистики» (в дореволюционной России данные навыки успешно демонстрировал публицист Михаил Осипович Меньшиков). Кроме этого, существовала возможность выхода на анализ определенных проблемных полей с позиций отдельных школ исторической психологии (и максимально приближенной к политическому анализу психоистории), а также военной антропологии (так, генерал Н.Н. Головин в ряде своих работ затрагивал темы «революционных войн» и проникновения «революционного сознания в армию»).

В свою очередь, научная новизна диссертации обусловлена глубоким осмыслиением на уровне последовательного и всестороннего комплексного анализа причин возникновения и процесса эволюции системы представлений идеологов и организаторов российского освободительного движения по «военному вопросу». Опираясь на значительный массив исторических источников (подавляющая часть которых вводится в научный оборот впервые), обуславливающих убедительный характер аргументации, диссидент анализирует отдельные этапы становления наиболее значимых проблемных полей леворадикального осмыслиения и переживания военного вопроса в России. Объективный характер данной исследовательской работы обусловлен яркими примерами, достоверность которых подтверждается заимствованиями из разноплановых источников. При этом ряд явлений, связанных с деятельность политической оппозиции в армии, приводится и анализируется впервые.

При анализе степени изученности проблемы диссидентом, особое внимание уделяет разработанности ее отдельных проблемных полей на современном отрезке времени - общий анализ историографии осуществляется в формате проблемно-хронологического метода. Автор исследования отмечает, что, несмотря на разработанность отдельных составляющих предметного по-

ля диссертации еще в дореволюционный и советский периоды (*при этом особого внимания заслуживает рассмотрение эволюции взглядов советских историков на отрезке перехода от «сталинской историографии» к научной рефлексии 60-х - начала 80-х гг.*), объективный анализ и возможность комплексного изучения «военного вопроса» в политической деятельности левой оппозиции обозначились только в последние десятилетия. Глубокий и тщательный анализ позволил диссидентанту сделать вывод о том, что подавляющая часть современных работ оставляет обозначенный в диссертации круг проблем *слабоизученным*. Это позволяет еще раз подчеркнуть новизну и оригинальный характер осуществленной диссидентантом исследовательской работы.

Анализ источников базы диссертации позволяет сделать вывод о достаточной степени освоения и понимания, выявленных в рамках предмета исследования тематических компонентов. Опираясь на значительный массив источников, автору работы удалось решить ряд научных проблем. В диссертации использовались фонды 3-х центральных архивов: ГАРФ, РГАСПИ и РГВИА. Основной упор делается на анализ теоретических работ и программных документов различных революционных образований, сосредоточенных в фонде 274 РГАСПИ. Отдельному анализу подвергается массив ранее неопубликованных документов официального делопроизводства, вводимый в научный оборот впервые: III Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, Особого присутствия Правительствующего Сената для обсуждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах, Департамента полиции МВД и др.

Используемый массив документов позволил создать общую исследовательскую картину, убедительно аргументировать научный дискурс, построить достаточную систему доказательств. Опора на предшествующие научные исследования и комплексный анализ массива источников позволил исследователю решить обозначенные задачи и сделать обоснованные выводы.

Следует подчеркнуть, что в структурном плане диссертация также не вызывает серьезных возражений. Ее отличает хорошо выстроенная по про-

блемному принципу композиция, включающая в себя введение, три главы, заключение и список использованных источников и литературы. Характер и стиль подачи материала позволяет говорить о достаточном уровне научно-теоретической подготовки диссертанта, соответствующей актуальному состоянию отечественной исторической науки.

К наиболее существенным результатам работы А.С. Романика необходимо отнести следующее.

В качестве объекта исследования диссертант абсолютно правомерно выделяет «общественно-политическую жизнь российской империи сер. XIX – нач. XX вв.» (с. 5). Столь существенное расширение объекта обусловлено особенностями политической полемики, которая велась в стране на всем протяжении 2-ой п-ны XIX в. и особенно после отмены крепостного права.

С нашей точки зрения, одной из важнейших целей исследования становится эволюция системы взглядов представителей леворадикальной оппозиции на «проблемы войны» и определение «места вооруженных сил в жизни общества» и политической борьбе (с. 17). Диссертант правомерно, хотя и не совсем оригинально делит «освободительное»/«революционное» движение в стране на три этапа: революционно-демократический или «демократический»; революционно-народнический и, по всей видимости, «пролетарский» (в третьей главе рассматриваются взгляды не только социал-революционеров, но и социал-демократов).

Наиболее проработанной является первая глава, в которой прослеживается ряд оригинальных и нетривиальных оценок и выводов, а также глубокий анализ взглядов социал-утопистов и революционных демократов: А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского.

Диссертант абсолютно правомерно констатирует, что после Отечественной войны 1812 г. произошел «огромный скачок» в развитии русских офицеров, а «декабризм» привел к серьезному переосмыслению роли и места армии и «военного человека» в жизни общества (с. 43). Н.П. Огарев полагал, что «серьезно повзрослевшая» в идейном плане военная масса («войско»)

«будет за крестьянскую революцию» (с. 43). «Утописты» считали, что в идейном плане офицерская масса неоднородна – прослеживается определенный процент «прогрессивно мыслящих» молодых офицеров, желающих изменить общество и примкнуть к революции. Важной составляющей главы также можно считать анализ деятельности по «развенчанию образа «доброго царя», защитника народных интересов» (с.46), а также рефлексии демократическим крылом событий 1863-1864 гг. в Польше.

Весьма оригинальной выглядит часть главы, посвященной оценке потенциальной роли казачества в политической борьбе, а также деятельности демократов по возможному вовлечению казаков в революционное противостояние с царизмом. Диссертант правомерно указывает на заведомо утопических характер данных проектов (с. 51-52).

При анализе взглядов Н.Г. Чернышевского диссертант обращает внимание на очевидно «подцензурный характер» его деятельности, а, следовательно, большую осторожность в оценках революционного потенциала вооруженных сил. Исследователь сосредотачивается на анализе причин, оказавших влияние на формирование революционного мировоззрения Чернышевского, и убедительно доказывает, что решающим фактором стало поражение России в Крымской войне (с. 61). Диссертант констатирует, что важной частью политических переживаний Николая Гавриловича была идея о создании боевого союза армии и народа, а также размышления о возможности «всеобщего вооружения народа» и создании «народного ополчения», ставшие *idea fix* для последующих поколений революционеров, вплоть до большевиков (с. 63). В этом плане колossalный интерес представляет анализ прокламации «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», а также идейного содержания движения «гарибальдистов» (с. 68). Наконец, еще одной важной составляющей главы является анализ взглядов Чернышевского на организацию французской армии эпохи Наполеона III и возможности использования этого опыта в российской действительности.

Во второй главе диссертант поднимает ряд важных проблем связанных с формированием и эволюцией взглядов «революционного народничества». Наиболее значимой, в данном случае, кажется, во-первых, оценка Крымской войны и ее последствий, во-вторых, - либеральных реформ 60-х – 70-х гг. (в первую очередь военной реформы Д.А. Милитина), и их места в решении «военного вопроса».

Диссертант уделяет пристальное внимание оценке идеологами народничества, П.Л. Лавровым, М.А. Бакуниным, П.А. Крапоткиным, П.Н. Ткачевым, А.Д. Михайловым и рядом др., путей обустройства и реформирования армии. Диссертант указывает, что рассуждения идеологов народничества опираются на всестороннее изучения зарубежного и, в первую очередь, британского и прусского опыта (с. 95-96). В последнем случае теоретики от народничества обращаются к изучению политического процесса и содержания франко-пруссской войны. Они понимают «армию нового типа» (применительно к России), как инструмент обороны страны исключительно от внешней угрозы, использование которого против населения внутри государства *недопустимо*. При этом армия должна приобрести характер «народного ополчения» (с. 96-97). В то же время отмечается, что для народников характерна определенная степень идеализма, связанная с рассуждением об установлении «всеобщего равенства» и постепенном отмирании войны, как политического явления (с войной, в идеале, должна «умереть» и армия) (с.98). Крайнюю ценность представляет второй параграф второй главы, в котором описываются отдельные революционные образования, стремившиеся воплотить теоретические изыскания в жизнь. В частности, описывается деятельность: Комитета русских офицеров в Польше; тайного кружка в Морском училище; Большого общества пропаганды (в данном случае достаточно подробно рассматривается деятельность «чайковцев», которые «едва ли не первыми из народников обратили внимание на армию» (с.101)) и др. Диссертант подчеркивает резкую активизацию революционной пропаганды, в том числе в частях армии и в среде казачества (уральского и донского), со стороны ор-

ганизации «Земля и воля» с началом и в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Диссертант также приводит эксклюзивную информацию о деятельности военного кружка «Народной воли». Исследователь подчеркивает, что пропагандистская деятельность народников «среди военных» в целом может считаться «успешной» (с. 110). Это было обусловлено новой системой комплектования вооруженных сил, создавшей условия для изменения их социального облика. В то же время автор работы делает важный вывод о том, что заговорщикам группам 70-х - 80-х XIX в. «...по силам было проникновение в военную среду, но никак не овладение ею» (с.114). Данний вывод подкрепляется фактическим материалом иллюстрирующим сотрудничество отдельных чиновников и офицеров, И.И. Шамшина, Н.Н. Обручева и ряда др. с революционными силами (с.122). В отношении офицерского корпуса, автор делает значимый вывод о том, что «...на фоне реформ наиболее расположенная к гражданской активности часть офицерства прошла путь от критического осмысления действительности к оппозиционности, от оппозиционности к радикализму». Офицерство выдвинуло из своей среды как ярких одиночек, так и организованный компонент, «присутствие которого стало отличительной чертой революционного движения во второй половине XIX в.» (с. 136).

Наконец, в третьей главе диссертант анализирует теоретическую и практическую деятельность в области «военного вопроса» леворадикальных революционных сил начала XX в. (речь идет преимущественно о социал-революционерах и социал-демократах). Диссертант указывает на органическое единство программных установок в области «военного вопроса» социал-революционеров и народничества конца 70-х гг. XIX в. Пристальному и во многом оригинальному рассмотрению подвергаются политические взгляды видного теоретика и лидера партии В.М. Чернова, призывавшего временно отказаться от практической деятельности, но продолжать осуществлять агитацию и в армейской среде (с. 138-139). Весьма важной частью главы является раздел посвященный анализу возможности вовлечения военных в террористическую деятельность. Диссертант указывает, что в целом деятельность

эсеров в области «проникновения в армейскую среду» следует считать успешной: «эсеровские ячейки возникли в воинских гарнизонах, расположенных в центре страны и на периферии» (с. 142). На всем отрезке предшествующем первой русской революции, у эсеров сохранялось скептическое отношение «на возможность» и «перспективы работы в армии» (с. 143), при этом они «не отказались от попыток привлечь военных на свою сторону» (с. 148).

Оценка политических взглядов социал-демократов, связанных с «военным вопросом» носит, если можно так сказать, «традиционный», характерный еще для советской историографии контекст. При анализе их теоретических выкладок диссертант опирается преимущественно на хорошо освоенные и детально проработанные работы Г.В. Плеханова и В.И. Ульянова/Ленина. Кроме этого для аргументации отдельных положений используются извлечения из публицистических сочинений Ю.О. Мартова и Л.Д. Троцкого. Указанные теоретики уделяли значительное внимание теоретическому обоснованию механизмов «революционной пропаганды» в армейской среде (с. 157). Диссертант также подчеркивает, что в большевистской среде преобладало мнение, что армия может сыграть важную роль в революционной борьбе и самой революции, но в «новой социальной реальности» бесклассового общества, она «утратит свое значение» (с. 158). Не отличается оригинальностью трактовок и выводов анализ реакции социал-демократов на характер и политическую сущность русско-японской войны. Диссертант приводит весьма интересные примеры, связанные с практической деятельностью большевиков в армии.

В заключении диссертант выстраивает систему выводов, в целом сообразующуюся с общим ходом и содержанием исследования, при этом, одним из существенных, является утверждение о том, что «...многие теоретические и тактические установки российских революционеров по военному вопросу нашли подтверждение в условиях нового подъема массового движения за

общественно-политическое обновление, который пришелся на первые годы XX в.».

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что при всех очевидных достоинствах в работе прослеживается ряд досадных упущений и недостатков. Обратим внимание на наиболее очевидные:

1) с нашей точки зрения, можно было бы несколько расширить хронологические рамки исследования и довести их до начала Первой мировой войны, при этом показать реакцию революционных сил на ее начало;

2) классификация источников выглядит спутанной и предполагает более глубокий уровень организационной культуры;

3) в отдельных разделах работы диссертант уходит от основной линии повествования в сторону тематических полей лишь косвенно связанных с объектом исследования (см., например, стр. 52), что затрудняет целостное восприятие работы;

4) из текста диссертации так и не удалось выяснить комплексное содержание исследуемой категории «военный вопрос». Это: «положение военнослужащего в армии?»; «развитие военного дела определенным образом?»; «пути проведения реформы в армии?»; «будущее обустройство войска и будущее армии в целом?»; «война и войско, как драйвер революции?»; «механизмы борьбы «за войско»?»; «философия и теория войны? Революционной войны?»; и т. д.

Думается, что в заключении было бы целесообразно обобщить понимание «военного вопроса», или выстроить систему отдельных его оценок в хронологическом и организационно-институциональном контекстах.

5) не до конца продумано введение в работу параграфа 3.3., разрушающего целостность повествования и являющегося наиболее спорным по формулировкам и выводам.

Применительно к началу XX века необходимо говорить о падении популярности военной службы и, как следствие, размывании офицерского корпуса (в середине XIX в. представленного потомственным дворянством даже в

провинциальных гарнизонах) разночинным элементом, для которого представления о дворянской чести, как офицерской чести, подменялись преимущественно уставными нормами.

Нельзя также однозначно оценивать поведение отдельных групп офицеров, например офицеров-генштабистов. В НАГШ и ГШ были разные эксцессы, начиная от проявления крайних степеней благородства и заканчивая примитивными человеческими страстями. Строить выводы на субъективных переживаниях отдельных офицеров представляется ошибочным.

Обидно, что автор работы «очень грамотно» обходит стороной национальный контекст революционного движения – в первую очередь «польский» (в данном случае он затрагивает только в контексте событий 1863-1864 гг.), «еврейский», «финляндский» и «остзейский» вопросы (которые обострились до крайнего к началу XX в. – даже «остзейцы» настаивали на необходимости политической эмансипации от России), свойственные, как для социал-революционеров, так и социал-демократов. В армии, наряду с «демократический мыслящим», прогрессивно настроенным офицерством, был значительный процент национал-патриотов для которых были незазорны проявления, как антипольских настроений, так и антисемитизма.

Активизация революционного элемента в России обозначилась после смерти Александра III и была обусловлена процессом постепенной смены элит. Власть элита «Александровской эпохи» постарела и действовала в «старорежимных координатах». Подавляющая часть ее представителей являла выходцев из престижных частей императорской гвардии, которая упорно не желала изменяться, в первую очередь в мировоззренческом плане. Николай II привел к власти новых царедворцев, чем спровоцировал борьбу «старого» и «молодого» дворов, старой и новой элит. Этим хаосом воспользовались революционеры, которых активно поддерживала буржуазная плуто-кратия. Поражение в русско-японской войне и первая русская революция были использованы, в первую очередь, буржуазными силами для получения

возможности укоренения капиталистических отношений в стране - революционный хаос их в целом устраивал.

Все высказанные замечания *не снижают уровень* предлагаемого к защите диссертационного исследования. Поставив перед собой во многом оригинальную и значимую научную цель, автор по преимуществу успешно ее реализовал. Работа носит законченный, целостный характер и производит благоприятное впечатление. Уровень проведенного в диссертации анализа политической жизни Российской империи последней трети XIX – начала XX вв. позволил А.С. Романика сделать важные выводы, существенным образом обогатившие понимание политической истории Российской империи на заключительном этапе ее существования. Научные выводы в целом согласуются с общей логикой исследования.

Автореферат предлагаемой к защите кандидатской диссертации полностью соответствует ее содержанию. Основные выводы диссертационной работы отражены в публикациях автора, в том числе, в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, а также ряде статей (8 работ), опубликованных в других научных журналах и сборниках.

Анализ диссертационной работы и автореферата показывает, что диссертация «Российское леворадикальное движение и военный вопрос: взгляд и практическая деятельность во второй половине XIX – начале XX века» является самостоятельной, оригинальной, содержащей достаточную степень научной актуальности, обладающей внутренним единством научно-квалификационной работой. Она полностью соответствует критериям, установленным пунктами 9 и 10 «Положения о присуждении ученых степеней» (утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г., № 842 (редакция от 1.10.2018 г.) «О порядке присуждения ученых степеней»). Ее автор, Александр Сергеевич Романика, достоин присуж-

дения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

Официальный оппонент доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, руководитель образовательной программы бакалавриата по направлению подготовки 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева» (ФГБОУ ВО ОГУ им. И.С. Тургенева).

Г.С. Чувардин

Адрес организации: 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Тел.: (4862) 751-318

E-mail: info@oreluniver.ru

2.12.2019 г.

